
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

А.Я. Рубинштейн

ВВЕДЕНИЕ В НОВУЮ МЕТОДОЛОГИЮ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Москва
Институт экономики
2012

Рубинштейн А.Я. Введение в новую методологию экономического анализа. — М.: Институт экономики РАН, 2012. — 58 с.

ISBN 978-5-9940-0389-3

В настоящем докладе представлена попытка создания новой экономической методологии, предполагающей взаимодействие рыночной экономики с государственной активностью, ориентированной на решение социальных задач и опирающейся на мировоззрение, занимающее промежуточное положение между классическим либерализмом и социалистической парадигмой. Особенность предложенной методологии обусловлена отказом от абсолютизации методологического индивидуализма и использованием: основных положений концепции «Экономической социодинамики» (КЭС) с ее ключевым принципом комплементарности полезности, допускающим существование потребностей общества как такового; «Теории опекаемых благ» с присущим ей анализом неэффективных равновесий Нэша и модификацией модели Векселя—Линдаля для любых товаров и услуг, обладающих социальной полезностью; механизмов рыночной и политической ветвей генерирования общественных интересов, формирующихся в различных институциональных средах на основе предпочтений несовпадающих групп индивидуумов.

Ключевые слова: социальный либерализм, методологический индивидуализм, холизм, КЭС, социальная полезность, принцип комплементарности, опекаемые блага, нормативные интересы, институциональные модернизации, политическая ветвь общественных интересов, равновесие Векселя—Линдаля.

Классификация JEL: C70, C72, D5, D6, D7, H41.

ISBN 978-5-9940-0389-3

© Институт экономики РАН, 2012
© Рубинштейн А.Я., 2012
© В. Е. Валериус, дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИНДИВИДУАЛИЗМ И/ИЛИ ХОЛИЗМ?	9
ГЛАВА 2. ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА И МЕХАНИЗМЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ	21
ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ	29
ГЛАВА 4. МОДИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ ВИКСЕЛЛЯ—ЛИНДАЛЯ	39
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	47
ЛИТЕРАТУРА	50

ВВЕДЕНИЕ

Работа эта не случайная и не проходная. Содержащиеся в ней размышления повторяют или продолжают результаты моих исследований двадцати последних лет. Речь идет о концепции «Экономической социодинамики» (КЭС)¹ с ее методологическим ядром — принципом комплементарности полезности, допускающим существование наряду с потребностями индивидуумов потребностей общества как такового, о «Теории опекаемых благ» с присущими ей анализом неэффективных равновесий Нэша и модификацией модели Викселя—Линдаля для любых товаров и услуг, обладающих социальной полезностью (*Рубинштейн (2009a, 2009b, 2011)*), наконец, о рыночной и политической ветвях генерирования общественных интересов, формирующихся в различных институциональных средах на основе предпочтений несопадающих групп индивидуумов (*Рубинштейн (2010, 2011)*). Три эти сюжетные линии, затрагивающие различные стороны экономического анализа, я попытался соединить в данном докладе в виде некоего общего методологического подхода.

Еще одно, предварительное замечание. Пятнадцатилетний опыт обсуждения КЭС и Теории опекаемых благ (*Рубинштейн (2011)*) показал, что восприятие основных положений этих тео-

1. Результаты исследований по данной проблематике представлены в журнальных статьях и докладах на научных конференциях, в том числе на недавней конференции Американской экономической ассоциации, а также в ряде монографий: (*Гринберг, Рубинштейн (2000, 2008)*, *Grinberg, Rubinstein (2005, 2010)*, *Рубинштейн (2008, 2011)*).

рий при сохранении приверженности классическому либерализму или неолиберализму порождает неразрешимые противоречия. Это многократно демонстрировали мои коллеги и доброжелательные оппоненты, старающиеся «адаптировать» КЭС к прокрустову ложу неоклассической теории. Теперь уже абсолютно ясно, что КЭС и Теория опекаемых благ отвечают иному мировоззрению, выходящему за границы неолиберализма.

При этом, будучи противником ультралиберальных доктрин, как и любых форм социализма, я сохраняю свою приверженность рыночной экономике. Знакомство же с весьма обширной литературой по этому вопросу позволило понять, что и современный либерализм уже давно стал не таким, каким он остался в экономической теории мейнстрима. Его волнообразная эволюция от классического либерализма — через социалистическую идеологию — к неолиберализму привела к возрождению идей социального либерализма. Мне показалось, что именно этому, правоцентристскому, мировоззрению соответствует КЭС и Теория опекаемых благ.

Выделив наиболее важные положения этих теорий, я попытался решить более общую задачу — описать свой подход к экономической методологии социального либерализма. Думается, что указанная методология или ее модификации будут способствовать появлению новых экономических теорий, где рыночная экономика включает социальную компоненту, а эффективность не противопоставляется справедливости. Эти надежды, собственно, и побудили меня к написанию данного доклада.

* * *

Многие считают, что кризис, начавшийся в конце 2007 г., как и кризис 1929 г., в очень большой степени был обусловлен генетическими пороками самой капиталистической системы², и

-
2. Как отмечал Кейнс: «наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, являются его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» (*Кейнс (2007. С. 332)*). К этому добавлю, что и в том случае, когда «произвольное» распределение богатства и доходов, воспользовавшись рецептом первой теоремы экономической теории благосостояния (*Arrow, Debreu (1954)*), заменить оптимальным, «порок экономического общества», связанный с «несправедливым распределением» и неравенством будет иметь место. Причем, как показал Самуэльсон, децентрализованно устранить его невозможно (*Samuelson (1954)*).

пытаются найти альтернативные подходы к созданию нового экономического порядка. Некоторые из них, вспоминая Кейнса, говорят о необходимости фундаментальных реформ, обеспечивающих переход от неолиберального капитализма к социальному либерализму (*Bortis (1997, 2009)*).

Просматривая литературу по «социальному либерализму», я обнаружил, что само это понятие, несмотря на свой солидный возраст, не имеет строгой дефиниции или имеет столь многочисленное их семейство, что допускает различные толкования в зависимости от взглядов исследователей, их приверженности определенной идеологии, включая и ту, которая была названа «либеральный социализм» (*Le socialisme libéral (2003)*). Замечу, что дело не только в перестановке слов в указанном слогане, хотя это как раз тот случай, когда их порядок меняет «сумму», и не в фирменном французском «выборе этикеток»³. Решение поставленной задачи, направленной на формирование соответствующей экономической методологии, требует, во-первых, ее идеологической нейтральности⁴, во-вторых, максимально возможной однозначности в понимании используемых терминов и, прежде всего, категории «социальный либерализм».

Для объяснения своей позиции процитирую фрагмент из редакционного комментария журнала «НЗ» к русскому переводу ввводной статьи Моник Канто-Спербер: «Победивший социализм российского разлива глубоко и основательно дискредитировал себя, превратившись в номенклатурно-бюрократическую идеологию; но и либерализм в том виде, в каком он проявил себя в политической жизни России за последние полтора десятилетия, в глазах многих наших сограждан парадоксальным образом стал синонимом не свободы, а социальной незащищенности и сужения жизненных возможностей» (*Перспективы либерализма и поиск корней (2004)*). Именно такое понимание нашей недавней истории, в большой сте-

-
3. Как отметит редакция журнала «НЗ», опубликовавшего вступительную статью Моник Канто-Спербер (*Канто-Спербер (2004)*) к антологии «Либеральный социализм», ее автор, «желающая воздать должное разнообразию форм социализма», старается найти точки соприкосновения между либеральными и социалистическими корнями, что и обусловило ее выбор в пользу этикетки «либерал-социализм» (*Перспективы либерализма и поиск корней (2004)*).
 4. Возможно, более правильно говорить о методологическом социальном либерализме, демонстрируя в самом названии идеологическую нейтральность разрабатываемой методологии.

пени отражающее мои собственные взгляды, может способствовать адекватной модификации либеральной парадигмы.

При этом, в отличие от классического либерализма, сторонники его социальной версии, оставаясь на позициях рыночной экономики, справедливо утверждают, что для реализации прав граждан далеко не всегда достаточно их собственных усилий⁵. В этом смысле экономическая философия социального либерализма опирается на те же представления о хозяйственной системе, что и упомянутые выше КЭС и Теория опекаемых благ, в соответствии с которыми индивидуумы, стремящиеся обеспечить свои интересы, взаимодействуют между собой и государством, ответственным за реализацию интересов общества в целом. В этом я вижу *родовые свойства* экономической методологии социального либерализма, допускающей частную инициативу и государственную активность, направленные на реализацию интересов отдельных индивидуумов и общества в целом.

Оставляя в стороне философские и идеологические аспекты социального либерализма, замечу, что с точки зрения экономической методологии, наиболее дискутируемым вопросом остается категория общественного интереса, обуславливающего государственную активность. Решение данной проблемы предполагает исследование отношений между индивидуумами и обществом в целом и связано с трактовкой еще одного важного понятия – «всеобщего благосостояния». «Если каждый будет стремиться к своей корысти, то «невидимая рука» провидения приведет к всеобщему благосостоянию», – примерно так определил Адам Смит действие конкурентного рынка и соответствующий ему телеологический механизм экономической координации. После публикации его классического «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776) многие экономисты, математики, социологи и социальные философы искали и продолжают искать подходящую трактовку понятия «всеобщего благосостояния» и соответствующие ему общественные интересы.

5. Даже такой «певец индивидуализма», как Джон Стюарт Милль, еще за полстолетия до Парето, оправдывал в своей книге «О свободе» вмешательство государства во всех случаях, когда «действия человека наносят ущерб благополучию другого человека» (Милль (1993. С. 12)).

Наиболее распространенным оказался утилитаристский подход. Согласно ему, общественное благосостояние определяется благосостоянием отдельно взятых членов общества (И. Бентам, В. Парето, Дж. Хикс, А. Бергсон, П. Самуэльсон, К. Эрроу). В последнее время и, главным образом, благодаря работам Амартии Сена (*Sen* (1999), *Сен* (1996, 2004)) развитие теории благосостояния стали связывать все же с использованием менее ограниченной, по сравнению с утилитаризмом, философии, для которой понятия «свобода», «этические принципы», «справедливость», «взаимозависимость и взаимодействие индивидуумов» являются существенными элементами⁶. В плане экономической методологии здесь «прячутся» три ключевых вопроса. Во-первых, как общественные интересы связаны со своекорыстием — интересами индивидуумов, составляющих общество, и можно ли всегда предполагать наличие такой связи? Во-вторых, что представляют собой общественные интересы, какова их природа, сущность и механизмы формирования? В-третьих, каким образом общественные интересы можно учесть в экономическом описании и непосредственно в условиях рыночного равновесия?

При этом надо ясно понимать, что вопросы эти возникли не сегодня и даже не вчера. Общественные интересы в целом, как и их взаимосвязи с индивидуальными предпочтениями, — это «вечные сюжеты», кочующие по странам и эпохам. К концу XIX-го столетия обозначились два тренда и соответствующие им традиции в интерпретации общественного интереса⁷. Так, английская традиция отрицала саму возможность существования каких-либо интересов, отличных от агрегата предпочтений индивидуумов (*индивидуализм*). Германская же традиция, наоборот, допустив наличие интересов общества как такового (*холизм*), признала категорию «коллективные потребности» в качестве фундаментальной основы знаменитой «немецкой финансовой науки».

6. Назову здесь и исследования Джона Ролза (*Ролз* (1995)).

7. При использовании понятия «общественные интересы» я старался сохранить терминологию, которую применяли те или иные авторы: коллективные или общие потребности, потребности или интересы общества как такового, интересы или предпочтения общества в целом и т.п.

ИНДИВИДУАЛИЗМ И/ИЛИ ХОЛИЗМ?

Начну с методологического индивидуализма. История этого мировоззренческого принципа⁸ не такая уж и длинная. И хотя, как писал Марк Блауг, «само выражение «методологический индивидуализм», видимо, было введено Шумпетером в 1908 г.» (Блауг (2004. С.100)), все же не стоит начинать эту историю с XX-го столетия. Дело не в термине, а в понятии. Поэтому, даже не возвращаясь к Джереми Бенгаму — родоначальнику «утилитаризма», и его последователю Джону Стюарту Миллю с тезисом, что «соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто иное» (Mill (1914. С. 798)), положительно невозможно пройти мимо Кнута Викселя.

По словам Джеймса Бьюкенена, «Виксель заслуживает всеобщего признания как основоположник современной теории общественного выбора, поскольку в его диссертации 1896 г. присутствовали три важнейших элемента, на которых базируется эта теория: *методологический индивидуализм* (курсив мой — А.Р.), концепция «человека экономического» (*homo economicus*) и концепция политики как обмена» (Бьюкенен (1997. С. 18)). Викселлю

-
8. Речь идет именно о мировоззрении. Недавно в лекции Адама Маскина, занимающегося сравнительными исследованиями американской и русской театральных школ, я услышал любопытное объяснение, почему в Америке, фактически, нет репертуарного театра. По мнению американского эксперта, это связано с методикой подготовки актеров и режиссеров, доминантой которой является ориентация исключительно на творческую индивидуальность и игнорирование феномена ансамбля, составляющего основу репертуарного театра. Такой вот получилась американская проекция индивидуалистического мировоззрения на искусство театра.

принадлежит и тезис, выражающий суть методологического индивидуализма: «если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю и ничему другому» (Бьюкенен (1997. С. 19), *Wicksell* (1958)). Став абсолютной антитезой холизму и отвергая всякую возможность того, что социальные общности обладают предпочтениями и функциями, несводимыми к предпочтениям и поведению индивидуумов, методологический индивидуализм занял центральное место в экономической теории.

Однако такое положение уже давно вызывает у меня чувство неудовлетворенности. Именно здесь я вижу одну из главных преград развития экономической теории, как и причину необоснованного сужения экономического анализа, ограниченного рамками методологического индивидуализма. Последний вывод можно представить в инверсионной форме — отказ от радикализации методологического индивидуализма предоставляет возможность расширения границ социального анализа, формирования экономической методологии социального либерализма с использованием более общих предпосылок, применяемых в ряде научных дисциплин, скажем, в институциональной теории, социологии, философии и т.п. В связи с этим хочу высказать ряд замечаний в отношении интерпретации индивидуализма и холизма. Но сначала о некоторых аргументах *pro et contra*.

Приведу несколько известных утверждений. Альберт Шэффле, например, писал о наличии общественных потребностей, «которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества» (*Schaffle* (1873. S. 113)). Еще более определенно высказался Карл Менгер «...не только у человеческих индивидуумов, из которых состоят их объединения, но и у этих объединений есть своя природа и тем самым необходимость сохранения своей сущности, развития — это общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов и даже с потребностями всех членов, вместе взятых» (*Menger* (1923. S. 8)). Альтернативные суждения, типичные для XX-го столетия, можно найти у Пола Самуэльсона — «я не предполагаю наличие мистического коллективного разума, который позволяет наслаждаться использованием коллективных потребительских благ...» (*Samuelson* (1954. P. 387)), Ричарда

Масгрейва – «поскольку группа людей как таковая не может говорить, возникает вопрос, кто способен выразить чувства этой группы» (*Musgrave (1959. P. 87)*) и Карла Поппера – «поведение и действия таких коллективов, как группы должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей» (*Поппер (1992. С. 109)*)⁹. И так далее и тому подобное; таких простых аргументов и контраргументов можно найти достаточно много с каждой стороны.

Однако мне кажется, что время *простых* аргументов прошло. С позиций современной науки об обществе с ее принципиальной предпосылкой о «фоновом пространстве значений»¹⁰ и институциональным пониманием социума они не кажутся уже столь убедительными. Представление же о том, что носителем всякого интереса является какое-либо одушевленное существо, явно избыточно и, я бы сказал, несколько поверхностно. В условиях усложнения связей между людьми сами институты генерируют специфические интересы отдельных общностей индивидуумов и общества в целом. При «подключении» же теории игр к обсуждению данного вопроса стал очевиден и другой вывод: в результате автономных и своекорыстных решений индивидуумов их совокупность в целом может перейти в положение, которое противоречит целям каждого из них¹¹. Иначе говоря, полученный результат не всегда редуцируется к функциям полезности индивидуумов, что также можно рассматривать как свидетельство о наличии у социальной целостности системных свойств, не имеющих у индивидов.

Но вернусь к дискуссии вокруг дилеммы «индивидуализм—холизм», которая в 50-х гг. XX-го столетия развернулась с особой силой (*Krimerman (ed.) (1969)*, *O'Neil J. (ed.) (1973)*, *Блауг (2004)*.

-
9. По мнению М. Блауга, сам Поппер в известном методологическом споре 1950-х гг. не участвовал, а «...собственные работы Поппера не дают представления о том, насколько решительно он настаивает на методологическом индивидуализме» (*Блауг (2004. С. 100)*).
10. Речь идет о наличии «фоновое пространство значений, существующего вне голов индивидуумов, в котором их мысли и слова обретают общий смысл» (*Витгенштейн (1994)*). Я еще вернусь к этому философскому положению, которое, на мой взгляд, создает методологическую основу для научного объяснения процессов формирования социальных установок.
11. Замечу, что теория игр представила этим и обоснование известного индивидуалистического парадокса «*fallacy of composition*» (заблуждение соединения), смысл которого сводится к следующему противоречию: с одной стороны, все, что является благом для каждого, является благом для всех; с другой стороны, если каждый стремится лишь к собственной выгоде, то все вместе могут придти к результату, неблагоприятному для общества в целом (*Козловски (1998. С. 284)*).

С. 100–101)). Одна из ее особенностей была связана с тем, что критики холизма, включая отечественных адептов методологического индивидуализма, не вполне обоснованно стали выводить последний из «онтологического индивидуализма» — из базовых представлений о том, что общество состоит из людей, которые создают все общественные институты, а социальные целостности есть лишь гипотетические абстракции (*Kincaid (1998. P. 295)*).

Однако такой подход поддержан далеко не всеми. «Люди не создают общество, — пишет Рой Бхаскар, — поскольку оно всегда существует до них и является необходимым условием их деятельности» (*Bhaskar (1989. P. 36)*). Приведу и слова М. Блауга — «но хотя на тривиальном уровне онтологический индивидуализм и справедлив, он не обязательно связан со способом, которым мы должны или не должны изучать коллективные феномены, то есть с методологическим индивидуализмом» (*Блауг (2004. С. 101)*). При этом, видимо, уже сложилось общее впечатление о недостаточной корректности перехода от «онтологического индивидуализма» к методологическому индивидуализму (*Ходжсон (2008. С. 45, сн.3)*).

В конце XX-го столетия основная дискуссия перешла в работы социологов, где сохранилась историческая «оппозиция крайностей» — методологический коллективизм Эмиля Дюркгейма (*Дюркгейм (1899)*, *Гофман (2001)*) с требованием рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям, и методологический индивидуализм Макса Вебера (*Вебер (1980)*, *Вебер (1994)*) с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов. И все же главный вектор этой дискуссии сместился в область менее радикального восприятия индивидуализма.

Бенно Верлен, в частности, подчеркивает, что «методологический индивидуализм не означает отрицания существования коллективностей и институтов. Равно, как не требует он и соглашаться с утверждением, что общество — это не более чем совокупность принадлежащих к нему индивидов или что общество можно свести к индивидуальной психологии и объяснить его в ее понятиях» (*Верлен (2002. С. 16)*). Близких позиций придерживается и самый последовательный попперианец Джозеф Агасси, трактующий методологический индивидуализм в нейтральных и даже примирительных

тонах (*Agassi (1960, 1973)*). Все это указывает на формирование в социологии определенного компромисса между холизмом и индивидуализмом.

Так Энтони Гидденс, с одной стороны, рассматривает методологический индивидуализм как возможную альтернативу структурной социологии, с другой — приходит к выводу, что структурная социология и методологический индивидуализм не являются альтернативами, такими, что, отрицая одну, мы принимаем другую (*Giddens (1984, 2001)*). Продолжает эту линию в рамках так называемой реляционной методологии и другой английский социолог — Р. Бхаскар, полагающий, что социальные отношения совместимы и с индивидуалистскими, и с коллективистскими теориями (*Бхаскар (1991)*).

Примерно таких же взглядов придерживается представитель французской социологии Раймон Будон, который подчеркивает, что методологический индивидуализм является необходимой, но не достаточной предпосылкой исследования общества, требующего обязательного рассмотрения макросоциологических феноменов (*Boudon (1988), Будон (1999)*). При этом и он позиционирует себя ближе к «центру», оговариваясь, что «...уподобление группы индивидууму правомерно лишь в том случае, когда группа организована и явно наделена институциональными формами, позволяющими ей принимать коллективные решения» (*Boudon (1979)*).

В этом контексте надо обратить внимание на работы Алена Турена и Мишеля Крозье, отличительная черта которых — признание двойственности общественной жизни, где социальные структуры и индивидуальное поведение выступают как равнозначные и взаимодополняющие элементы окружающей действительности (*Touraine (2005), Крозье (1993. С. 35–43)*)¹². В методологическом плане исследовательские установки А. Турена и М. Крозье корреспондируют с подходами Э. Гидденса и Р. Бхаскара и базируются на синтезе микро — и макросоциологических подходов, на сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из этих принципов. Подобное расширение

12. См. развернутый обзор современной французской социологии Поля Ансара, опубликованный в нескольких номерах журнала «Социологические исследования» (*Ансар (1995, 1996, 1997)*).

анализа обеспечивает новые возможности в исследовании общества и создает предпосылки для развития экономической методологии социального либерализма.

Теперь имеет смысл рассмотреть более сложный и, я бы сказал, даже более тонкий аспект обсуждения дилеммы «индивидуализм—холизм», характерный для современной философии, разделяющей и неразрывно дополняющей анализ поведения индивидуумов и общества в целом. В связи с этим надо обратить внимание на исследование канадского философа и культуролога Чарльза Тейлора. Продемонстрировав один из возможных путей развития методологии социального анализа, он выделил так называемые «неразложимо социальные блага», по природе своей не предназначенные для индивидуального потребления (*Taylor (1989), Тейлор (2001)*).

В сущности, они идентичны «социальным благам» в КЭС и Теории опекаемых благ, которые, не имея индивидуальной полезности, обладают способностью удовлетворять несводимые (*неразложимые*) потребности общества (*Гринберг, Рубинштейн (2000. С. 47—54), Рубинштейн (2008. С. 93—114)*). Однако главным в работе Ч. Тейлора является даже не результат, имеющий самостоятельное значение, а та аргументация, с помощью которой он обосновывается. Речь идет о совершенно ином направлении анализа, опирающемся на методологию австрийского философа Людвиг Витгенштейна, обогатившего современную философию категориями мысли и языка (*Витгенштейн (1994, 2009), Болдырев (2008)*), и исследования одного из создателей семиотики, швейцарца Фердинанда де Соссюра, продемонстрировавшего фундаментальные различия и циклическую связь между языком и речью (*Соссюр (2000, 2009)*).

Воспользовавшись уже упоминавшимся понятием Л. Витгенштейна «фонового пространства значений, существующего вне голов индивидуумов»,¹³ и распространив его на отношения людей в социуме, Ч. Тейлор не только усилил доводы в пользу взаимодополняемости институтов и деятельности индивидуумов,

13. Иллюстрируя идеи Л. Витгенштейна, Ч. Тейлор приводит следующие слова: «Мысли подразумевают и требуют фоновое пространство значений для того, чтобы быть теми мыслями, которыми они являются» (*Тейлор (2001. С. 10)*).

но, что особенно важно, ввел в научный оборот феномен «*общего понимания*» — наличие «фоновой основы практик, институтов и представлений» (Тейлор (2001. С. 12)), имманентных обществу как социальной целостности. Такой подход обеспечил выход за «тесные рамки» методологического индивидуализма и создал философскую основу для рассмотрения социума как носителя особых свойств и даже потребностей, которые способны удовлетворять «неразложимо социальные блага»¹⁴.

Демонстрируя замкнутый сосюрковский круг, Ч. Тейлор отмечает: «Речевые действия подразумевают существование языка, язык же воспроизводится в речевых действиях» (Тейлор (2001. С. 11)). С определенной натяжкой сосюрковский круг можно ассоциативно распространить и на пару «индивидуумы и институты» — взаимодействия индивидуумов следует рассматривать в рамках культурно-детерминированных институтов, которые воспроизводятся в действиях индивидуумов. Подчеркну, что здесь Тейлор пошел дальше упоминавшихся выше социологов, сохранив, однако, характерный для них принцип взаимодополняемости холизма и индивидуализма, корреспондирующий и с методологией, используемой авторами КЭС и Теории опекаемых благ.

Следование этому принципу позволяет «освободиться» от искусственной атомизации общества, поскольку не исключает анализа «влияния» и «авторитета» и допускает объяснение поведения индивидуума, в том числе «макросоциологическими переменными». На это же указывает и Марк Блауг применительно к экономической методологии: «В принципе, крайне желательно, чтобы все холистические концепции, макроскопические факторы, агрегированные переменные ... были определены в терминах индивидуального поведения там, где это возможно. Но когда это невозможно, не будем впадать в молчание на том основании, что мы не можем преступить принцип методологического индивидуализма» (Блауг (2004. С. 103)).

Такую *невозможность* обнаружил и Джон Мейнард Кейнс. Ключевые понятия своей теории, отражающие макроэкономиче-

14. Назвав феномен «общего понимания» культурой и применив подход Ф. де Соссюра к широкому классу социальных явлений, Ч. Тейлор определил тем самым ее единственного носителя — общество, как таковое.

ские характеристики системы в целом, он выводил, как известно, из макроявлений того же порядка, а не из поведения индивидуумов. Безработицу, к примеру, он объяснял недостаточностью совокупного спроса и т.п. И хотя критики кейнсианства настаивали на необходимости интерпретации макроявлений посредством микроэкономических действий, похоже, их точка зрения главенствовать не стала. Тезис, что объяснение социальных феноменов нельзя сводить к действиям индивидуумов, утвердился и в новой институциональной экономике (*Aoki (2001)*).

Приведу следующие слова Джеффри Ходжсона: «Несмотря на столетнее соперничество между методологическими индивидуалистами и коллективистами, у них гораздо больше общих черт, чем обычно предполагается. Методологический индивидуализм требует объяснять общество с точки зрения индивида, теряя из виду ключевые механизмы социального влияния, а потому приходится принимать цели и предпочтения индивидов как заданные. Методологический коллективизм объясняет индивида через общество и, следовательно, ему недостает адекватного объяснения того, как могут меняться цели и предпочтения индивидов. Варианты объяснений в рамках обеих методологических стратегий различны, но результаты в существенных своих чертах схожи» (*Ходжсон (2008. С. 51)*).

Не помню, где я прочел — возможно, у А.Б. Гофмана, но хорошо помню смысл прочитанного. Существует множество уровней исследования общества и человеческих реальностей — микро-, макро- и т.д. При этом специфика различных уровней никогда не исчезает: любой исследователь в одних случаях объясняет индивидуальное поведение общественными условиями, в которых находятся индивиды, в других — анализирует коллективы с помощью индивидуального поведения. Иначе говоря, дискуссия о «единственно верном» индивидуализме или холизме не может дать каких-либо философских или онтологических результатов. Данный вывод, по-видимому, и есть суть реляционной методологии, с которой я склонен согласиться.

Похоже, эта методология оказалась близкой и для ряда российских экономистов. Не претендуя на полноту изложения их взглядов, попробую выделить характерные для них общие позиции. Так, В. Автономов рассматривает индивидуума как «биосоциальное»

существо, которое находится, с одной стороны, под влиянием своей индивидуальной биологической природы, а, с другой — под воздействием общественных институтов (*Автономов (1998. С. 192)*). Примерно тоже самое утверждает и А. Шаститко, подчеркивающий, что человек оказывается как бы «вписанным» в институциональную структуру. Поэтому и действия таких «биосоциальных» индивидуумов описываются через систему институциональных связей (*Шаститко (1996. С. 44)*). Размышляя о методологии общего социального анализа, В. Полтерович также готов к более мягкому пониманию индивидуализма: «Макроэкономические эффекты должны быть представлены как результат взаимодействия отдельных акторов в рамках существующих институтов. При выборе «элементарных акторов» следует добиваться рационального компромисса между их простотой и обзримостью модели» (*Полтерович (2010)*). Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что на рубеже XX—XXI столетий появилось понимание правомочности более широкого подхода к исследованию экономических процессов, основанного на взаимодополняемости методологического индивидуализма и холизма.

Этот небольшой экскурс потребовался мне для того, чтобы лучше объяснить собственные намерения и свой подход к экономической методологии социального либерализма. В ее основание я хотел бы поместить принцип комплементарности полезностей, допускающий наличие интересов социальных целостностей, несводимых к интересам составляющих их индивидуумов. Иначе говоря, там, где это возможно — вспомним М. Блауга, общественные предпочтения желательно описывать в виде агрегата предпочтений индивидуумов, когда же это невозможно, следует рассматривать иные законы формирования интересов социума. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества как такового, существующие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Формируемые в различных институциональных средах эти интересы *дополняют* друг друга.

Таким образом, речь идет о двух параллельных процессах, о рыночной и политической ветвях. Одна из них связана исключи-

тельно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией с помощью рыночного механизма, другая — отражает процесс зарождения, распространения и актуализации нормативных интересов общества посредством институтов политической системы. При этом нормативные интересы социума в меру *развитости* общества и его политической системы вбирают в себя весь спектр общественных предпочтений, основанных на социально одобряемых ценностях и этических нормах, идеях справедливости и целесообразности, иных социальных установках¹⁵. Иначе говоря, в область нормативных интересов общества, генерируемых политической ветвью, попадает все то, что Самуэльсон предписывал в «Чистой теории общественных расходов» своему «эксперту по этике» (*Samuelson (1954. P. 388)*).

Следует отметить, что социальные установки, ценности, взгляды на справедливость, этические аспекты общественного выбора в экономической методологии занимают особое место. И ряд авторов, сохраняя свою приверженность индивидуалистической норме, пытаются «вписать» решение этих вопросов в стандартные или несколько расширенные модели неоклассической теории, придерживаясь доктрины «просвещенного собственного интереса» (*Хиршман (2004. С. 444)*). К ним можно отнести и попытки некоторых отечественных экономистов разрешить «конфликт рациональности» путем объяснения альтруистического поведения индивидуумов — исключительно в рамках рыночной ветви формирования общественных интересов (*Тамбовцев (2008)*). Строго говоря, сюжет этот не новый, и в данном контексте совершенно оправданным выглядит обращение к Ховарду Марголису, который один из первых расширил понятие рациональности, включив в него альтруизм¹⁶. Однако вывод В. Тамбовцева — «подобная трактовка функции полезности как функции, определенной не только

-
15. Подчеркну, что нормативные интересы социума, формируемые в рамках политической ветви, являются лишь некоторым приближением к потребностям общества, существующим в латентной форме. На этом важном вопросе я остановлюсь позже.
16. В трактовке Х. Марголиса рациональный выбор должен сохранять возможность того, «что человек, который ведет себя даже таким образом, что наблюдатели считают его вредным для самого человека и окружающих, может, однако, быть рациональным» (*Margolis (1982. P. 14)*). Комментируя эту модель, Д. Норт отметил, что «она позволяет объяснить некоторые модели поведения при голосовании, которые представляются бессмысленными в рамках поведенческой модели индивида, стремящегося к максимизации личной выгоды» (*Норт (1997. С. 30–31)*).

на множестве товаров, но и на множестве состояний других индивидов, впервые, вероятно, была предложена Г. Марголисом в книге «Эгоизм, альтруизм и рациональность: теория социального выбора» (Тамбовцев (2008. С. 131)) – содержит две неточности.

Во-первых, такую трактовку связывают обычно со знаменитой статьей Абрама Бергсона (*Bergson (1938)*) и концепцией Бергсона-Самуэльсона (*Samuelson (1978)*), в соответствии с которыми в традиционные функции полезности были добавлены индивидуальные предпочтения в отношении различных состояний общества¹⁷. Во-вторых, подчеркну это особо, «альтруизм или чувство социальной ответственности» были введены Марголисом в его «модели справедливого распределения» («*fair-share*» модель или FS-модель) в качестве «*группового интереса*» (*Margolis (1982. P. 11)*). При этом предложенные им функции полезности состоят из двух компонентов, один из которых отражает индивидуальные предпочтения, другой – предпочтения, присущие совокупности индивидуумов как целому. Однако придерживаясь принципа методологического индивидуализма, Марголис избавляется от «внерыночного довеса» и, придав групповому интересу соответствующие веса, присоединяет его к предпочтениям индивидуумов. В этом контексте модель Марголиса не сильно отличается от модели Бергсона–Самуэльсона. Фактически, и в той, и в другой теоретической конструкции присутствует *дополнительное предположение* – своеобразный «пятый постулат» неоклассики об отсутствии интереса общества как такового, формируемого в рамках политической ветви¹⁸.

Замечу, что политическая ветвь – это не просто теоретическая абстракция, а вполне реальный и, главное, наблюдаемый процесс, обслуживаемый институтами общества. В нем принимают участие: отдельные индивидуумы – пассионарии, раньше других обнаруживающие «болевы точки» социума; средства массовой информации; общественные движения и партии, служащие «инсти-

17. Данное предположение присутствует также в работах Джона Харсаньи (*Harsanyi (1955)*) и ряда других экономистов. Эта же гипотеза сформулирована Кеннетом Эрроу: «принимается, что каждый индивидуум имеет порядок предпочтений на всех возможных состояниях социума. Этот порядок выражает не только его пожелания, касающиеся собственного потребления, но и его социальные установки, его взгляды на справедливость в распределении или на блага, получаемые другими индивидуумами на основании коллективных решений» (*Эрроу (2005. С. 78)*).

18. Подробнее об этом: (*Рубинштейн (2010. С. 79–81)*).

туциональным лифтом» для интересов, еще не получивших широкого распространения; представительные органы разных уровней, которые в конечном итоге формулируют целевые установки, в той или иной мере соответствующие общественным ожиданиям. Именно данный процесс я рассматриваю в качестве принципиального механизма политической ветви формирования интересов общества как такового, который должен найти соответствующее отражение в экономической методологии социального либерализма.

ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА И МЕХАНИЗМЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Обсуждая поставленный в начале статьи вопрос о природе и механизмах формирования интересов социальной целостности, соглашусь с В. Полтеровичем, который подчеркивает, что дело не только в признании самого факта их существования, но и в конкретном описании политической системы, формирующей и актуализирующей эти несводимые интересы¹⁹. Вполне вероятно, что недосказанность по данному вопросу породила известное недопонимание некоторых моих коллег.

Дело в том, что если я рассматриваю политическую ветвь формирования нормативных интересов общества, обосновывая их автономность и несводимость к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании рыночного общественного интереса, то это не означает, что нормативные интересы определяет какой-то мистический орган или иная абстракция. Конечно, нет. Как и в случае с рыночной ветвью общественного интереса, так и при формировании нормативного интереса общества участвуют конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и существующими институтами. Не хочется думать, что дискуссия по данному поводу идет лишь на этом тривиальном уровне — участвуют или не участвуют индивидуумы в формировании нормативных интересов общества. Повторю еще раз, конечно, участвуют.

19. Подробное изложение позиции В. Полтеровича, высказанной во время наших личных бесед, содержится в книге: *(Рубинштейн (2010. С. 111–116))*.

Проблема совершенно в другом: это одни и те же люди или разные индивидуумы; это одни и те же институты или разные институциональные среды, имманентные каждой из двух ветвей формирования общественных интересов. А вот здесь уже начинается содержательный анализ.

В соответствии с видением В. Полтеровича, например, интересы такого рода следует объяснять *различным поведением индивидуумов* в отношении одного и того же события в двух институционально разных средах – рыночной и политической. Думается, такая возможность не исключена. Другой вопрос, можно ли все варианты интересов общества как целого свести к подобной комбинации? Я склонен к отрицательному ответу. Главное, что меня не устраивает, так это само определение указанных интересов исключительно через «двоемыслие» одних и тех же людей. Повторю, я не отвергаю этот подход, но возражаю против его абсолютизации²⁰.

Можно утверждать в частности, что существуют интересы, генерируемые политической средой, которые в принципе не могут быть определены в терминах рыночных предпочтений. У подавляющего большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют. И лишь статистически незначимая часть общества – те, кого Платон называл «философами» (*Платон (1971. Т. 3. С. 275)*), Р. Масгрейв относил к «информированной группе людей» (*Musgrave (1969. S. 16)*), а К. Шмидт – к «политикам» (*Schmidt (1988. S. 384)*), способны осознать эти интересы. «Живя в обществе и, тем более, изучая его работу, необходимо принимать во внимание и такие феномены, которые не являются людьми или их комбинациями: роли, обязанности, статусы, правила, законы, обычаи» (*Тейлор (2001. С. 7–8)*). Поэтому, если и можно говорить об участии остальных граждан в формировании интересов общества как такового, то очень опосредованно, имея в виду политические институты и механизмы передачи «в траст» мнения избирателей.

20. Справедливости ради замечу, что взгляды Виктора Мееровича со временем несколько изменились, и сегодня он готов согласиться с моим объяснением, в соответствии с которым речь идет о двух источниках оценки и соответственно о разных людях. Но об этом немного позже. К сказанному лишь добавлю, что мое собственное понимание данного явления тоже «не стояло на месте», и оно во многом сформировалось непосредственно под влиянием неоднократных бесед с В. Полтеровичем, за что я ему искренне благодарен.

Возвращаясь к исходному тезису В. Полтеровича об интересах общества в целом, приведу главное свое возражение — речь должна идти не о различном поведении индивидуумов в отношении одного и того же события, а о *другом поведении в отношении другого события и, как правило, других людей*. Поясню теперь, что я понимаю под «другими людьми», «другими событиями» и «другим поведением». Во-первых, я имею в виду демократически устроенное общество²¹ и его институты, включая парламент, члены которого на основе установленной процедуры «определяют» нормативные интересы общества и их текущие приоритеты. В соответствии с этим «другими людьми» является то небольшое количество выбранных индивидуумов, кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии. Понятно, что разговор о совпадении двух множеств индивидуумов, действующих в рыночной и политической средах, возможен лишь при замене парламентской процедуры референдумом. С учетом же того, что сам по себе референдум является достаточно редким исключением из стандартной гражданской практики, я вправе считать, что в текущем политическом процессе формирования общественных интересов участвуют, как правило, «*другие люди*».

Во-вторых, если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций своей собственной выгоды²², то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. И в этом смысле речь, действительно, идет о «*других событиях*». Например, если в рыночной среде индивидуум решает вопрос о том, пойти ему в театр или купить яблоки, то в политической среде перед «*другими людьми*» встает иная альтернатива: надо ли поддержать приобрете-

-
21. В предисловии к англоязычному переводу издания книги Кнута Викселя «Исследование по теории финансов» Джеймс Бьюкенен призвал «коллег-экономистов сначала построить какую-либо модель государственного или политического устройства, а уже потом приступить к анализу результатов государственной деятельности» (*Бьюкенен (1997. С. 18)*). Следуя данной методологической установке и в целях анализа формирования общественных интересов, я рассматриваю достаточно простую модель парламентской демократии.
22. Вслед за Марголисом (*Margolis (1982. P. 17)*) и я готов к расширению границ смитсианского своекорыстия, причем столь далеко, что альтруизм превращается в составляющую рационального поведения. Замечу, что в этой постановке альтруистические интересы индивидуумов «улавливает» рыночная ветвь формирования общественных предпочтений.

ние населения к театральному искусству или для общества важнее потребление населением фруктов. Понятно, что идентичность указанных альтернатив возможна лишь в случае проведения всенародных референдумов в отношении потребления каждого блага. Поэтому и здесь я вправе считать, что в политическом процессе формирования общественных интересов рассматриваются, как правило, *«другие события»*.

В-третьих, я говорю о «другом поведении», потому что «другие люди» в своих предпочтениях от имени общества руководствуются не личными, а общественными средствами. И сколько бы ни говорить о возможной самоидентификации выбранных людей с обществом, от имени которого они принимают нормативные решения, все равно это не то же самое, когда за потребляемое благо индивидуум расплачивается отказом от собственного потребления других благ. На возможность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для выборных людей по отношению к их собственным средствам указывают многие исследования²³. В этом смысле даже референдум не может исправить «генетический порок» общественных средств, что, собственно, и обуславливает феномен *«другого поведения»*.

Столь пространственные объяснения потребовались мне для того, чтобы еще раз подчеркнуть ключевую роль механизмов формирования нормативных интересов общества в экономической методологии социального либерализма. Объяснив «другое поведение» «других людей», я стремился показать, что в предложенной модели с двумя ветвями формирования интересов социума в общем случае нет места двойственности предпочтений одних и тех же индивидуумов. Речь идет о двух источниках оценки, о принципиально разных общественных интересах, выявляемых в рыночной и политической средах. Собственно, это и есть содержание феномена несводимости: общественные предпочтения, сформированные в политической

23. Кроме работы А. Крюгер, назову известные публикации Дж. Бьюкенена, А. Нисканена, М. Олсона, Г. Таллока. К этому добавлю, что конец столетия оказался переполненным упоминаниями о «рентишущем классе», «политическом доходе», «бюрократической ренте», «агломерации» и т.п. Во всех этих случаях интересы «других людей», принимающих решения от имени общества, лежат в иной плоскости, нежели предпочтения, присущие им как обычным участникам рынка. В пределе, они могут принимать и такие политически выгодные для себя решения, которые совершенно не выгодны им как потребителям соответствующих благ.

среде, невозможно представить в виде какого-либо агрегата предпочтений индивидуумов, выявляемых рыночными механизмами.

Исследуя такую категорию, как интерес социальной целостности, нельзя не обратить внимание и на имеющиеся различия в природе индивидуальных и групповых интересов. Надо сказать, что эта проблема никогда не пользовалась особой популярностью у экономистов. Если она и присутствует в экономическом анализе, то лишь в небольшом числе работ и скорее «по касательной»²⁴. Главным же сюжетом после фундаментальной работы К. Эрроу, посвященной Теории общественного выбора (*Arrow (1951)*), стало конструирование общих решений (формирование общественных предпочтений), имеющих, по определению, те же свойства, что и предпочтения индивидуумов. Причем сама эта теория, с ее опорой на методологический индивидуализм, не смогла расширить границы экономического анализа. Исходя из того, что общественный интерес есть лишь агрегат (комбинация) интересов индивидуумов, она, фактически, постулирует их одинаковую *позитивистскую* природу, оставляя за пределами анализа интересы социальной целостности, имеющие *нормативное содержание*.

Следует заметить также, что неисчезнувшее желание освободить экономическую теорию от ценностных суждений, приблизить ее к математике и сделать позитивистской наукой²⁵ привели к тому, что категория нормативных интересов оказалась, практически, изгнана из экономического анализа: там, где признается только «строгость и непротиворечивость», нет места нормативным категориям (*Кэй (2012. С. 7)*). Между тем без нормативных интересов многие процессы объяснить просто невозможно. Поэтому расширение границ традиционной интерпретации интереса группы видится мне весьма важным шагом к построению экономической методологии социального либерализма. В дополнение к групповому агрегату индивидуальных предпочтений, имеющих, как и интересы

24. Я имею в виду публикации, посвященные ценностным установкам общества и их отражению в институциональной теории. См., также: (*Харсаньи (2004)*).

25. Я имею в виду знаменитую дискуссию на собрании совета «Союз социальной политики» в Вене в 1909 г. и доктрину Вебера-Зомбарта «свободной от ценностных суждений общественной науки» (*Wertfreiheit*), сохраняющую и сегодня своих сторонников.

индивидуумов, *позитивистскую* природу, следует добавить предпочтения группы, как таковой, природа которых всегда *нормативная*.

Нормативный характер интереса любой социальной группы в целом — это не гипотеза и не постулат. Вне зависимости от механизмов формирования такого интереса — будь то персональное решение лидера группы или выбор некоторой коалиции единомышленников (партии), или демократическое голосование всех членов группы, он определяется в форме ценностных суждений. В отличие от индивидуальных интересов членов группы, которые теория рассматривает в качестве того, «*что есть*», интерес группы в целом формулируется в терминах «*что должно быть*». Данный факт, демонстрирующий различия в природе индивидуальных и групповых интересов, указывает и на их несводимость друг к другу²⁶.

Обсуждая проблемы экономической методологии социального либерализма, включая наличие нормативного интереса общества, и «уподобляя» государство рыночному субъекту, реализующему этот интерес, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект «...наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения» (*Boudon (1979)*). Таким образом, ясным и вполне выполнимым требованием к государству-субъекту рынка является наличие некоей институциональной системы, позволяющей принимать решения от имени общества. В сущности, речь идет еще об одном аспекте рассматриваемой методологии — о политическом устройстве государства и институтах гражданского общества, обеспечивающих возможность коллективных решений.

Вот здесь и возникает проблема, о которой упоминалось выше. Речь идет о факторе неопределенности. Дело в том, что нормативные интересы общества всегда и в каждый момент времени обретают определенность лишь в форме своей проекции, детерминированной действующей политической системой и сложившейся институциональной средой, способными как приближать, так и

26. В подтверждение этого напомним теорему Юма «О невозможности» — «из того, что есть невозможно вывести то, что должно быть», сформулированную М. Блейком в виде знаменитой «Гильотины Юма» (*Black (1970. P. 24)*).

отдавать общественный выбор от общественных потребностей²⁷. Иначе говоря, политическая ветвь актуализирует лишь такие интересы, которые готова признать сама политическая система, т. е. совокупность действующих институтов и индивидуумов, обладающих властными полномочиями. Именно эти интересы, вне зависимости от их приближения к существующим в латентной форме потребностям социума, становятся, *по определению*, нормативными интересами общества. И хотя механизмы «социального иммунитета» вносят со временем свои коррективы, «исправляя» общественный выбор (Гринберг, Рубинштейн (2000. С. 210)), преодолеть фактор неопределенности не удастся. Мы всегда имеем дело с некоторыми приближениями интересов общества как такового.

Следует отметить также, что, если в недавнем прошлом доминировала концепция «благожелательного государства», активность которого направлена на реализацию, действительно, общественных интересов, то к концу XX-го столетия все большую роль начинает играть тезис о смещении общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит (Stigler (1971)). На эту же тенденцию обращает внимание и Жан-Жак Лаффон, рассматривающий «аутентичного советника» правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую выгоды своей партии в данной экономической и политической ситуации» (Лаффон (2007. С. 22–23)).

Соглашаясь с таким трендом, надо иметь в виду упомянутый выше фактор неопределенности, который заставляет рассматривать программу «аутентичного советника» также в виде некоторой проекции интересов общества, существующих в латентной форме. Кроме того, было бы ошибочным исходить из наличия единственно возможного или объективно лучшего выбора. Он всегда лежит в поле нормативных решений, где главную роль играют социальные установки и целевые ориентиры правящей партии или коалиции, составляющей большинство в парламенте. Именно их решениями латентный интерес социума трансформируется в нормативный интерес, формулируемый той группой людей, которая обладает

27. Замечу, что и рыночная ветвь общественных интересов страдает «синдромом неопределенности». Вспоминая условия теоремы Эрроу–Дебре, легко понять, что они выполняются крайне редко, обуславливая свои «проекции» общественного интереса.

соответствующими полномочиями. Так или иначе, но здесь всегда имеет место субъективизм в определении нормативного интереса, который ряд авторов объясняют феноменом «принципал-агент»: реально принимающие решения политики (агенты) могут иметь свои предпочтения, не совпадающие с предпочтениями избирателей (принципалов), от чьего имени они действуют (*Афонцев (2010)*)²⁸.

И дело не только в том, насколько представительен парламент и как организована его работа. В силу неоднородности общества сформулированный правящей партией нормативный интерес всегда будет отличаться от реальных потребностей социума. Относится это к любым «коллективным решениям». Поэтому при обсуждении экономической методологии социального либерализма необходимо исследовать возможности развития институтов гражданского общества, которые в условиях неопределенности интересов социума способны уменьшить отклонение от них общественных интересов, сформулированных политиками. Частичное решение проблемы предложил Ж.-Ж. Лаффон, назвавший его «подходом с позиции полной конституции» (*Лаффон (2007. С. 29)*). Это, конечно, не механизмы формирования нормативных интересов общества, а лишь некие рамки, ограничивающие политические решения, которые должна учитывать экономическая методология социального либерализма.

Разделяя присущий многим исследователям скепсис в отношении возможности политических решений, адекватных реальным общественным предпочтениям, я исхожу из того, что противостоять этому при отсутствии развитых институтов гражданского общества, соответствующих каналов выражения мнений и требований различных общественных групп, законных возможностей отстаивания их прав очень сложно, если вообще возможно. Задачи такого рода или хотя бы пути их решения также должны быть отражены в экономической методологии социального либерализма. Но какими бы ни были общественные предпочтения, сформулированные парламентом в качестве нормативных интересов общества, их необходимо учесть в экономическом описании.

28. Более общее объяснение и соответствующие математические модели, описывающие этот феномен, присутствуют в работах по новой политэкономии. См., например: (*Persson, Tabellini (2005)*), а также обзорные работы А. Либмана (*Либман (2007, 2008)*).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Один из самых изученных, но все же частных, случаев формирования нормативных интересов общества связан с неэффективностью использования ресурсов. В наиболее явной форме этот феномен проявляется в тех видах опекаемых благ, которые генерируют провалы рынка, т. е. такое его равновесие, при котором существует хотя бы одна возможность перераспределения ресурсов, обеспечивающего Парето-улучшение. Очевидно, что наличие подобных возможностей, нереализуемых в автоматическом режиме рыночной координации, непосредственно мотивирует государственную активность. Однако и в том случае, когда имеет место оптимальное по Парето распределение ресурсов, наличие множества оптимумов и «дистрибутивное безразличие» данного критерия по отношению к произведенному богатству создают свои предпосылки для вмешательства государства. Не менее важен и другой мотив: этот критерий, в сущности, является критерием максимизации общественного благосостояния лишь в «предлагаемых обстоятельствах». Возникающая же со временем необходимость их изменения также порождает соответствующий нормативный интерес.

Рассмотрим этот вопрос применительно к модели Эрроу-Дебре, в соответствии с которой при ряде исходных предпосылок конкурентный рынок формирует эффективное равновесие – лучший вариант использования имеющихся ресурсов, но *безотносительно*

к качеству сложившейся институциональной среды²⁹. Иначе говоря, анализ Парето-эффективности, основанный на рациональном поведении и конкуренции, не дает подсказок в отношении целесообразности изменения «предлагаемых обстоятельств» — экзогенных переменных рыночных отношений. При этом вторая теорема экономической теории общественного благосостояния свидетельствует о том, что любое Парето-оптимальное состояние рынка может быть реализовано как конкурентное равновесие. То есть и для других внешних условий существует свое эффективное равновесие.

Кроме индифферентности теории общественного благосостояния к внешним условиям функционирования рынка нельзя упускать из поля зрения еще одно обстоятельство. Дело в том, что экономика довольно часто сталкивается с невыполнением базовых условий модели Эрроу-Дебре, предопределяя существование неэффективных равновесий — равновесий с неоптимальным распределением ресурсов (Фелдман (2004. С. 874–876)). Современная и, главное, общая концепция указанного равновесия для *некооперативного поведения* индивидуумов была разработана Джоном Нэшем в середине XX-го столетия (Nash (1951)).

Равновесием по Нэшу называют такое состояние, когда у каждого рационально действующего игрока нет оснований для изменения собственного поведения при неизменном поведении других индивидуумов (Nash (1950), Нэш (1961))³⁰. Таким образом, речь идет о ситуациях, в которых никакой индивидуум не может повысить свое благосостояние, если остальные участники придерживаются выбранной ими стратегии. Заметив здесь некоторое содержательное сходство, имеет смысл протестировать равновесие по Нэшу и Парето-оптимум на предмет наличия между ними

29. Анализируя модель Эрроу-Дебре (Arrow, Debreu (1954)), не следует думать, что в ней вообще отсутствуют институты. Достаточно сказать, что кроме институтов, представленных в латентной форме — защита частной собственности и ряд других законов, образующих среду, без которых рынок существовать не может, весомую роль в этом равновесии играют институты, обеспечивающие условия конкуренции. Говоря же о качестве институциональной среды, я имею в виду лишь внешние параметры рыночного обмена, такие, например, как действующие налоги, налоговые льготы, субсидии, трансферты и ряд других элементов экономической политики.

30. Существование равновесия по Нэшу было доказано также и для случая ограниченной рациональности игроков. См., в частности, обзорную статью «Эволюционная теория игр и экономика», опубликованную в двух номерах Журнала НЭА (Васин (2009, 2010)).

«родственных уз». Уместным поэтому выглядит следующий вопрос: может ли существовать такое равновесие по Вальрасу, которое было бы оптимальным по Парето, не будучи одновременно равновесием по Нэшу, и, наоборот, существует ли равновесие по Нэшу, не являющееся эффективным по Парето?

Формулируя эти вопросы и допуская возможность сопоставления результатов Эрроу-Дебре и Нэша, я исхожу все же из существования дефинитивных отличий между *экономическим* «равновесием по Вальрасу» с его методом «нащупывания» цен и *теоретико-игровым* равновесием — математической теории формирования норм поведения агентов с учетом действий их партнеров. Подчеркну, что в самой теории игр нет ничего специфичного для экономики, ее инструменты, включая и равновесие по Нэшу, могут с успехом применяться (и применяются) в других науках. В этом смысле Парето-оптимальное равновесие по Вальрасу (теорема Эрроу-Дебре) и равновесие по Нэшу — это два «разных мира». Вместе с тем, ситуация меняется, когда теоретико-игровой подход и равновесие Нэша используются в экономической методологии социального либерализма и, в частности, для исследования взаимодействия рынка и государственной активности.

В этом случае два «разных мира» стремительно сближаются. Во-первых, можно предположить, что максимизирующие свою полезность индивидуумы в равновесии Вальраса и участники некооперативной игры³¹ — это одни и те же субъекты рынка, продающие и покупающие товары и услуги. Во-вторых, правомерной выглядит гипотеза, что внешняя среда, в которой осуществляется игра и формируется равновесие Нэша, определяется устанавливаемыми государством экзогенными параметрами рыночных отношений, обуславливающими равновесие Вальраса. Судя по всему, можно найти еще многое, включая вектор цен на продаваемые и покупаемые товары, что свидетельствует о допустимости сопоставлений. Мне кажется, что сказанного вполне достаточно для постановки общей задачи — исследования условий и возможности совпадения или несовпадения Парето-эффективных равновесий Вальраса с

31. Замечу, что максминовский критерий теории игр также предполагает поведение игроков, максимизирующих свои функции полезности.

равновесиями в некооперативных играх Нэша. Частичное решение этой задачи содержится в следующей лемме 1: *всякое Парето-эффективное равновесие по Вальрасу является одновременно равновесием по Нэшу*.

Построим доказательство данной леммы от противного. Предположим, что рынок находится в равновесии по Вальрасу, которое, будучи Парето-эффективным, не является равновесием по Нэшу. Допуская такую ситуацию и опираясь на концепцию некооперативных игр, можно утверждать, что в этом случае, хотя бы у одного индивидуума, есть основания изменить поведение с целью повышения своего благосостояния (*Nash (1951)*). Однако подобные действия индивидуума автоматически приводят к нарушению оптимума по Парето и, тем самым, к искажению исходных условий леммы. Учитывая это, можно считать доказанным утверждение о том, что всякое вальрасовское равновесие, эффективное по Парето, является одновременно и равновесием по Нэшу³².

На вторую часть поставленного выше вопроса ответ дал сам Нэш. Среди примеров применения теории некооперативных игр он продемонстрировал игры с разными типами равновесий, в том числе «дилемму заключенных», иллюстрирующую существование равновесия, неэффективного по Парето (*Nash (1951. P. 286–295)*). С точки зрения настоящей работы, этот вид равновесий является особенно интересным³³. Дело в том, что в соответствии с концепцией Нэша, любые выявленные потери благосостояния (неэффективное равновесие) можно объяснить *недостатками институциональной среды* (*Майерсон (2010. С. 29)*). Иначе говоря, неэффективные равновесия Нэша сами по себе «сигнализируют» о целесообразности изменения «предлагаемых обстоятельств» для

-
32. Данную лемму, по-видимому, можно рассматривать в качестве следствия из теоремы Эрроу-Дебре. Так, согласно Э. Рой Вайнтраубу, при доказательстве существования конкурентного равновесия была использована категория равновесия, достигаемого в игре с n участниками. Опираясь на это, «Эрроу и Дебре ... показали, что понятие конкурентного равновесия соответствует понятию равновесия по Нэшу» (*Вайнтрауб (1981)*). Схожий анализ был предложен и в работах современных авторов (*Herves-Beloso, Moreno-Garcia (2009a, 2009b)*).
33. Думается, самостоятельный интерес представляют расширение анализа за пределы «дилеммы заключенных» и рассмотрение других типов Парето-неэффективных равновесий в некооперативных играх, где инструментальный изменения институциональной среды может отличаться от методов решения данной дилеммы.

мотивирования игроков к выбору такой доминирующей стратегии, которая привела бы к оптимальному распределению ресурсов. Реформирование институциональной среды с целью перехода от неэффективного равновесия к оптимальному по Парето равновесию Нэша собственно и представляет собой *институциональную форму реализации нормативного интереса общества*.

В этом контексте имеет смысл более широко взглянуть на природу неэффективных равновесий, не ограничивая анализ лишь нарушением базовых предпосылок теорем благосостояния. Повторю, в частности, что предложенный Парето критерий эффективности, несмотря на его *ценностную природу*, является нейтральным к распределению богатства между индивидами, что порождает особенно важную для экономической методологии социального либерализма альтернативу — «эффективность — справедливость»³⁴. Иначе говоря, даже при выполнении исходных условий модели Эрроу-Дебре, нетрудно допустить, что возникшее равновесие может быть оценено обществом как этически неудовлетворительное. В соответствии же с КЭС негативная оценка равновесия возникает и в более общей ситуации.

Так, всякий раз, когда в сложившемся равновесии формируется нормативный интерес общества (не только по поводу справедливости) и соответствующее благо попадает под общественную опеку, возникает неудовлетворительная оценка этого равновесия, обуславливающая необходимость перераспределения ресурсов. В результате существовавшее ранее эффективное равновесие трансформируется в *неэффективное* равновесие Нэша. Обратный переход, вызванный необходимостью реализации нормативного интереса общества, требует институциональных изменений, что согласуется с замечанием самого Нэша о зависимости данного типа равновесия от условий внешней среды — экзогенных переменных рыночных отношений (*Nash (1951)*).

Рассматривая же неэффективные по Парето равновесия Нэша в комбинации с рыночными провалами, можно предположить, что мы сталкиваемся с различными характеристиками одного

34. И хотя теоремы благосостояния демонстрируют разделение эффективности и справедливости, выбор справедливого решения всегда носит ценностный характер, требующий нормативных решений самуэльсоновского «эксперта по этике» (*Самуэльсон (2004. С. 374)*).

и того же подмножества состояний рынка. Одностороннее обоснование этой гипотезы трудностей не вызывает. Действительно, если мы имеем дело с неэффективным равновесием Нэша, то налицо и соответствующая определению несостоятельность рынка, что непосредственно следует из существования Парето-улучшения. По-иному выглядит обратная ситуация, когда неэффективные равновесия Нэша мы хотели бы идентифицировать через рыночные провалы. В качестве примера такой связи можно назвать рыночный провал, проанализированный в модели А. Курно (*Cournot (1938)*).

Другим примером рыночных изъянов, порождающих неэффективные равновесия Нэша, являются общественные товары (*Хиллман (2009. С. 94)*). Наверное, можно привести много примеров рыночных провалов, указывающих на наличие связей между несостоятельностью рынка и неэффективными равновесиями по Нэшу. Однако подобного рода проверки сформулированной выше гипотезы не могут служить заменой ее доказательства в виде следующей леммы II: *всякое неэффективное по Парето равновесие Вальраса сводится к равновесию по Нэшу*³⁵. Не имея такого доказательства, воспользуясь более слабым утверждением об адекватности подмножества неэффективных равновесий Нэша совокупности рыночных провалов, обусловленных нарушением предпосылок модели Эрроу-Дебре.

Возникающие в этом случае системные сбои, стандартный, но не исчерпывающий перечень которых включает экстерналии, монополию, информационную асимметрию и общественные товары, мотивируют государственную активность³⁶. Подобных взглядов придерживаются большинство авторов, общая позиция которых может быть представлена следующей цитатой: «при наличии этих

-
35. В более строгой формулировке эта лемма выглядит так: если при нарушении хотя бы одной из предпосылок модели Эрроу-Дебре существуют цены, при которых максимизирующие свою полезность индивидуумы действуют так, что формируется неэффективное по Парето равновесие Вальраса, то существует игра, в которой эти же цены будут реализованы как результат равновесия по Нэшу.
36. Отмечу, что рыночным провалам и их различным классификациям посвящен огромный массив научной и учебной литературы. Приведу в качестве примера *Микроэкономику в контексте*, заявленную авторами в качестве учебника для России в XXI столетии. В нем выделены «три вида дефектов рыночного механизма: а) внешние эффекты и отсутствующие рынки; б) за пределами частных благ (общественные товары, ресурсы неограниченного доступа, естественные монополии); в) множественные равновесия и «эффекты тропы» (*Гудвин, Вайскопф, Аккерман, Ананьин (2002. С. 572–599)*).

фундаментальных видов несостоятельности рынка необходимо смириться с тем, что субъекты руководствуются собственным интересом, и воспользоваться нерыночными вариантами решения проблемы» (Ледьярд (2004. С. 507–508)).

При этом ссылка на нерыночные решения в нашей терминологии можно трактовать как вмешательство государства, направленное на реализацию нормативных интересов общества. Замечу также, что стремление к «правильному» функционированию рынка – очевидный мотив общественной опеки товаров и услуг, производство и потребление которых приводит к рыночным провалам. И главной задачей здесь становится изменение условий поведения потребителей и/или производителей – *институциональная реализация* нормативных интересов общества.

При этом глобальный кризис 2008 г. невольно актуализировал тему несостоятельности рынка. Собственно, сам кризис и связанный с ним экономический спад, а также сопутствующее ему неэффективное распределение ресурсов, рассматриваются часто как провал рынка. Но так ли уж верно это суждение? Осведомленному читателю такой вопрос может показаться странным. Казалось бы, все ясно: неэффективное распределение ресурсов и возможность Парето-улучшений посредством их перераспределения – это как раз и есть то, что принято называть «рыночным провалом». Так что же заставляет сомневаться в данном утверждении?

В связи с этим следует обратить внимание на то общее, что экономисты соотносят с провалами рынка: в соответствии с их дефиницией речь всегда идет о ситуациях, которые оцениваются как неудовлетворительные. Именно *оцениваются* экономистами, опирающимися на их представления. И в этих оценках неизбежно присутствует субъективный элемент, не имеющий отношения к самому рыночному механизму. Более того, провал рынка – это лишь привычная метафора, маскирующая нейтральность механизма саморегулирования. Результаты его действия не могут быть ни «ошибочными», ни «правильными». Таковыми они становятся лишь в ценностных суждениях людей. И в данном контексте «несостоятельность рынка» ничем не отличается от других ситуаций, которые признаются неудовлетворительными. Например, если монополия не одобрится обществом, то этот случай можно считать идентич-

ным равновесию, которое также оценивается как нежелательное, из-за усилившегося неравенства в распределении богатства. В обоих случаях речь идет исключительно о ценностных суждениях, и оперирование категорией «провал рынка» представляет собой попытку придать объективный характер субъективным оценкам той или иной экономической ситуации. Собственно, это и порождает мои сомнения в правомерности использования категории «рыночный провал».

Учитывая эти соображения и исходя из природы рыночного механизма как нерукотворного феномена, можно сформулировать следующий вывод: *провал рынка – это ценностное суждение, указывающее на неудовлетворительность сформировавшегося равновесия*. Иначе говоря, если возникшее равновесие не одобряется обществом и обнаруживается заинтересованность в его коррекции, то это означает, что появился нормативный интерес общества, который не учтен в указанном равновесии. Именно такое равновесие можно называть *неэффективным*.

Итак, феномен несостоятельности рынка, во-первых, проявляется лишь в ценностных суждениях, во-вторых, он влечет за собой формирование нормативного интереса и, наконец, в-третьих, данный интерес превращает установившееся равновесие в неэффективное. Иначе говоря, то, что обычно принято называть провалом рынка, является, по сути, неэффективным равновесием, сотворенным «невидимой рукой провидения». Такие хрестоматийные случаи, как монополия, информационная асимметрия, положительные и отрицательные экстерналии, а также множество иных ситуаций, оцениваемых неудовлетворительно, объединяют не какие-то особые свойства товаров и услуг, а факт неэффективного равновесия, вызванного появлением нормативных интересов общества в отношении этих благ. И там, где такой интерес возникает, обычные товары и услуги трансформируются в опекаемые блага, обуславливающие целесообразность государственного вмешательства.

Теперь о так важной для экономической методологии социального либерализма связи государственного вмешательства с провалами рынка. И здесь мнения разделились. Одни авторы считают, что государственная активность может быть желательной и при

отсутствии провалов рынка. Другие же, наоборот, обосновывают и ограничивают государственное вмешательство лишь провалами рыночной каталаксии. Так, один из наиболее ярких представителей этого мировоззрения Мансур Олсон писал, в частности: «Если рыночные механизмы никогда не дают сбоев, тогда нет и нужды в государственных структурах, поэтому необходима концепция ошибок рынка для соответствующей нормативной теории государства» (*Olson (1986. P. 120)*). Комментируя данный тезис, подчеркну, что при трактовке провалов рынка этот рано умерший профессор из Мэриленда рассматривал их не в традиционном смысле (наличие монополии, экстерналий, общественных товаров и т.п.), а буквально, имея в виду любое неэффективное распределение ресурсов. Исследование в области экономической методологии социального либерализма привели меня к такому же пониманию феномена рыночных провалов.

Используемый подход хорошо согласуется и с дефиницией опекаемых благ, предполагающей наличие нормативного интереса, основанного на ценностных суждениях в отношении этих товаров и услуг, и с ключевым положением КЭС о существовании нормативного интереса общества, не выявляемого рыночными механизмами. Государственная активность в данном контексте можно рассматривать как деятельность, направленную на реализацию нормативных интересов общества. Мне кажется, это вполне соответствует и представлениям Олсона о нормативной теории государства. Итак, в предложенном подходе провалы рынка непосредственно обусловлены *нормативной оценкой* неэффективности сформировавшихся равновесий, требующей институциональных модернизаций.

Принимая во внимание универсальный характер взаимосвязей опекаемых благ и нормативных интересов общества, а также тот факт, что эти интересы мотивируют активность государства, которое в КЭС является автономным субъектом рынка, следует дополнить рассмотренный выше институциональный переход к эффективному равновесию. Я имею в виду уже не сами институциональные трансформации, а связанные с ними расходы государства: субсидии, трансферты, налоговые льготы, другие виды бюджетных трат, которые необходимо учесть в экономическом описании, включая условия рыночного равновесия.

В этом контексте предпринятое расширение исходных предпосылок исследования, обеспечивающего выход за жесткие границы методологического индивидуализма, и включение в анализ нормативных интересов общества, формируемых политической системой, позволяют обсудить еще одну часть экономической методологии социального либерализма. Речь идет о замене стандартных для неоклассической теории частных товаров более общей совокупностью опекаемых благ и возможности построения для них модели равновесия с учетом как индивидуальных предпочтений, так и интересов общества в целом³⁷.

37. Следует отметить, что частично задача расширения объекта исследования была решена П. Самуэльсоном в его знаменитой четырехстраничной статье «Чистая теория общественных расходов», где к стандартным частным благам были добавлены общественные товары (*Samuelson (1954)*). При этом построенная модель равновесия опиралась исключительно на интересы индивидуумов, а нормативные интересы общества, оставшиеся за пределами модели и вне экономики, были делегированы Самуэльсоном «эксперту по этике».

МОДИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ ВИКСЕЛЛЯ–ЛИНДАЛЯ

В соответствии с Теорией опекаемых благ универсальным признаком этих особых товаров и услуг служит их социальная полезность, т. е. способность удовлетворять нормативные интересы общества. Сами же эти интересы являются общим мотивом для активности государства, которое, будучи автономным субъектом рынка, стремится максимизировать свою функцию полезности (Рубинштейн (2009а, б)). Принимая во внимание данные обстоятельства, попытаюсь ответить на третий вопрос, сформулированный в начале работы и относящийся к построению экономической модели, учитывающей интересы как отдельных индивидуумов, так и общества в целом.

Введу для этого некоторые обозначения. Из поставленной задачи следует, что в описание рыночного равновесия должны быть включены два качественно разных интереса – U_I и U_S . Один из них представляет собой рыночный агрегат индивидуальных предпочтений, трансформируемых механизмом невидимой руки в интерес $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^n)$, где U^i – функция полезности i -го индивидуума. Другой – нормативный интерес общества U_S , формируемый в границах и посредством существующей политической системы. Иначе говоря, U_I и U_S обозначают результаты «работы» двух институционально разных ветвей формирования интересов общества. Пусть *мегаиндивидуум* представляет рыночный агрегат предпочтений индивидуумов U_I , а *меритор* является носителем нормативных интересов U_S , генерируемых политической системой.

Говоря о рыночном агрегате U_I , я имею в виду агрегированные функции индивидуальных полезностей $U_I(A_j)$, заданные на множестве точек конкурентного равновесия $A \{A_1, \dots, A_j, \dots, A_k\}$, в которых для каждой j -й кривой предложения R_j значение функции $U_I(A_j)$ определяется равновесной ценой $p_j = p(A_j)$ и соответствующим объемом блага $x_j = X(A_j) = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$ (рис. 1).

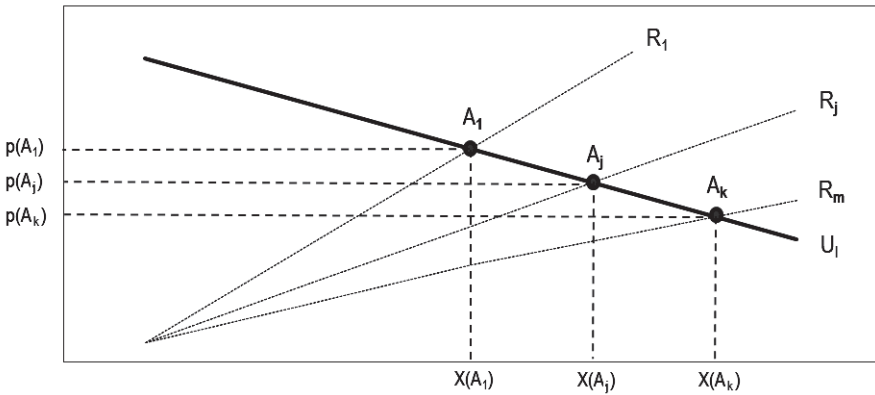

Рис. 1. Рыночный агрегат функций полезности индивидуумов

Для того, чтобы определить нормативный интерес U_S , формируемый в рамках политической системы, воспользуемся следующей леммой III: *всякий нормативный интерес общества U_S может быть выражен в потребности меритора в увеличении (уменьшении) объема производства (потребления) некоего блага по отношению к той величине, которая соответствует рыночному равновесию, т. е. равенству предложения и агрегированного спроса мегаиндивидуума на это благо*. Согласно данной лемме, интерес U_S материализуется в форме дополнительного спроса, предъявляемого меритором в отношении блага X , ставшего предметом общественной опеки. Говоря о спросе меритора, я имею в виду функцию социальной полезности $U_S(B)$, заданную на множестве точек $B \{B_1, \dots, B_j, \dots, B_k\}$, в которых для каждой j -й кривой предложения R_j значение функции $U_S(B_j)$ определяется ценой $p_j = p(B_j)$, которую готов заплатить меритор за потребление данного блага индивидуумами в объеме $x_j = X(B_j)$ (рис. 2).

При этом нельзя упускать из вида особенности функции социальной полезности U_S . Как следует из описанных выше меха-

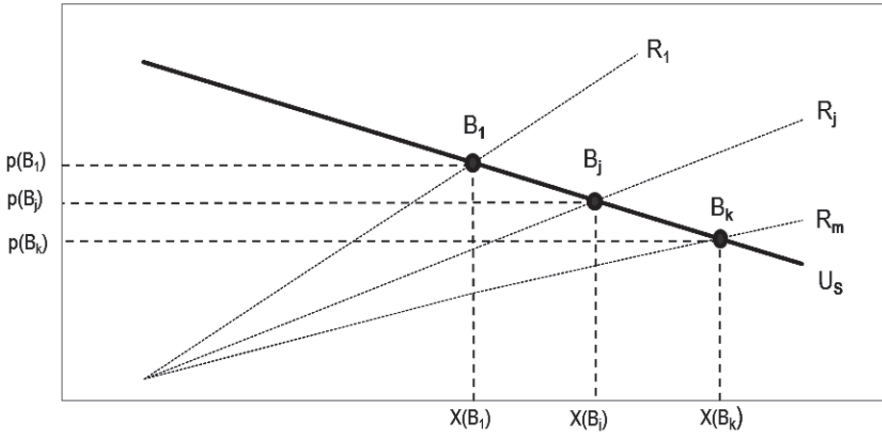

Рис. 2. Функция полезности меритора

низмов формирования нормативных интересов общества, в их основе лежат, во-первых, предпочтения «других людей», во-вторых, и это самое главное, не потребность в приобретении опекаемого блага X этими, «другими людьми», в частности членами парламента или иными представителями власти, принимающими решение от имени общества, а нормативные установки по поводу «другого события» — в данном случае в отношении суммарного объема потребления опекаемого блага теми же самыми индивидуумами, интересы которых представляет мегаиндивидуум U_1 .

Поэтому при реализации нормативного интереса U_s , т. е. при потреблении блага X в соответствующем объеме x_j , наблюдаются два результата: наряду с удовольствием индивидуумов имеет место удовлетворенность их сообщества в целом общим уровнем потребления указанного блага. Это означает, что суммарный объем опекаемого блага $x_j = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$, входит одновременно, причем в одинаковом количестве, в функции полезности мегаиндивидуума и меритора. Без потребления блага X индивидуумами не может удовлетворяться нормативный интерес общества, и чем больше достается индивидуумам, тем в большей степени реализуется и общественный интерес. Нетрудно показать, что в этом случае опекаемое благо проявляет два известных свойства — неисключаемость и несоперничество мегаиндивидуума и меритора. Иначе говоря, опекаемое благо X превращается в общественный

товар, который мегаиндивидуум и меритор потребляют совместно и в равном количестве³⁸.

В связи с этим обратим внимание на следующий феномен. Возникновение интереса U_S в дополнение к интересу U_I в отношении опекаемого блага X и появление отвечающих за эти интересы пары игроков – меритора и мегаиндивидуума, сопровождаются социальной мутацией самого блага X . Я имею в виду приобретение данным благом свойств общественного товара³⁹. Общий вывод можно сформулировать в следующей лемме IV (*центральная лемма*). Если индивидуумы из множества N имеют предпочтения U^1, U^2, \dots, U^n в отношении частного товара X и их агрегированный посредством рыночных механизмов совокупный интерес $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^n)$ дополняет нормативный интерес общества U_S в отношении этого же блага, то само благо X приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов из множества N , оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей интересов $U_I(X)$ и $U_S(X)$.

Замечу, что в данной ситуации имеет смысл рассматривать только два субъекта, для которых благо X становится общественным. Дело в том, что для отдельных индивидуумов опекаемое благо X по-прежнему остается частным⁴⁰, и любой из них действует в ситуации соперничества, и каждого можно исключить из процесса потребления данного блага. Но может ли меритор образовывать пару совместного и равного потребления с каждым индивидуумом в отдельности? Конечно, нет. Дело в том, что индивидуумы потребляют это благо в разных объемах X_j^1 . И лишь мегаиндивидуум, «потребля-

38. В формулировке Самуэльсона «общественным является товар, входящий в одинаковом количестве в две или более индивидуальные функции полезности» (*Samuelson (1969. P. 108)*); как указывает М. Блауг, ссылаясь на Уго Маццоло, «особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть только совместным и равным: чем больше достается одному домохозяйству, тем больше, а не меньше, достается любому другому» (*Блауг (1994. С. 549)*). Замечу также, что при описании общественных благ часто пользуются адекватными этим дефинициям свойствами «неисключаемости» и «несоперничества».

39. Хочу обратить внимание на аналогичные рассуждения Ховарда Марголиса при рассмотрении поведения S-Смита, отвечающего за своекорыстие, и G-Смита – за альтруизм, внутри одного индивидуума, повлекшие за собой признание любого блага общественным товаром для данной пары участников в FS-модели (*Margolis (1982. P. 36–46)*).

40. За исключением тех случаев, когда оно исходно, до попадания под опеку общества, проявляло свойства общественного товара.

ющий» суммарный объем опекаемого блага $x_j = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$, выступает партнером меритора по совместному и равному его потреблению.

Размышляя о модели равновесия, учитывающей интерес индивидуумов и общества в целом, и имея в виду центральную лемму (*лемма IV*), нетрудно понять, что решение данной задачи сопряжено с определением величины совокупного спроса на опекаемое благо. При этом очевидно, что генетическая неоднородность интересов мегаиндивидуума и меритора не допускают простого суммирования объемов потребления опекаемого блага участниками этой пары. Кроме следствия из уже упоминавшейся «гильотины Юма», об этом же свидетельствует и тот факт, что в каждой точке конкурентного равновесия A_j функция полезности мегаиндивидуума $U_1(A_j)$ обусловлена предпочтениями индивидуумов, а функция полезности меритора $U_s(B_j)$ есть результат выбора «других людей» в отношении «других событий». К сказанному следует добавить и то обстоятельство, на которое я уже обращал внимание, — меритор удовлетворяет свой нормативный интерес исключительно в результате потребления мегаиндивидуума.

Выход из создавшейся ситуации подсказывает та же *лемма IV*. Из нее непосредственно вытекает возможность использования известной модели равновесия Викселя—Линдаля для общественных товаров, предусматривающей схему вертикального суммирования функций спроса (*Lindahl (1967)*). Учитывая социальную мутацию опекаемого блага и его превращение в общественный товар для мегаиндивидуума и меритора, при небольшой модификации эта модель может быть обобщена для всей совокупности опекаемых благ, т. е. для любых товаров и услуг, обладающих социальной полезностью.

Рассмотрим данный вопрос несколько подробнее, сопоставляя базовую и модифицированную модель Викселя—Линдаля. Во-первых, и в той, и в другой модели рассматриваются единичное общественное благо и два субъекта: у Линдаля — агрегированная группа индивидуумов, обладающих высоким доходом, и также агрегированная группа менее обеспеченных индивидуумов; в модели для опекаемых благ их заменяют носители агрегированных интересов, располагающие собственными средствами, — мегаиндивидуум и меритор.

Во-вторых, в модели Викселя—Линдаля «спрос одного участника на общественное благо по определенной цене зависит от точки зрения другого участника, так как предложение данного блага возможно только в случае покрытия всей стоимости его производства» (*Lindahl (1967. P. 86)*). В модифицированной модели для опекаемых благ это условие также претерпевает некоторые изменения. Устанавливаемые меритором цена и объем опекаемого блага зависят от цены, по которой мегаиндивидуум готов приобретать этот суммарный объем данного блага, обеспечивая полное покрытие издержек его производства.

В-третьих, в модели Викселя—Линдаля «спрос и предложение касаются не общественных товаров как таковых, а доли пользования ими» (*Lindahl (1967. P. 86)*). Адекватен этому и процесс финансирования, который «устроен таким образом, что каждый индивид вносит налоговый взнос, соответствующий его оценке общественного блага» (*Lindahl (1967. P. 91)*). С учетом же того, что в модифицированной модели действуют не отдельные индивидуумы, а мегаиндивидуум и меритор, вклады участников также определяются предельными полезностями. Однако речь здесь идет уже не о налогах, а о ценах: о единой цене p_j , по которой каждый i -й индивидуум готов покупать определенный объем опекаемого блага X_j^i , и цене p_j^s , по которой меритор готов оплачивать опекаемое благо в объеме $X_j = X_j^1 + \dots + X_j^i + \dots + X_j^n$.

Легко заметить, что предложенная модификация базовой модели не меняет общего вывода: совокупный спрос в этой модели определяется путем вертикального суммирования кривых спроса мегаиндивидуума и меритора, а Парето-эффективное равновесие для данной пары игроков, имеющих персональные интересы в отношении опекаемого блага X , реализуется в форме равновесия Викселя—Линдаля. Подчеркну особо, что в данном равновесии участники потребляют общественное благо в равном количестве, но по разным ценам (рис. 3).

Этот вывод дает основание для следующей леммы V (лемма инверсии) — возникновение нормативного интереса общества U_S в отношении любого частного блага X , которое индивидуумы приобретали в разных количествах X_j^i , но по единой цене p_j^1 , порождает социальную мутацию этого блага и приводит к инверсии его равно-

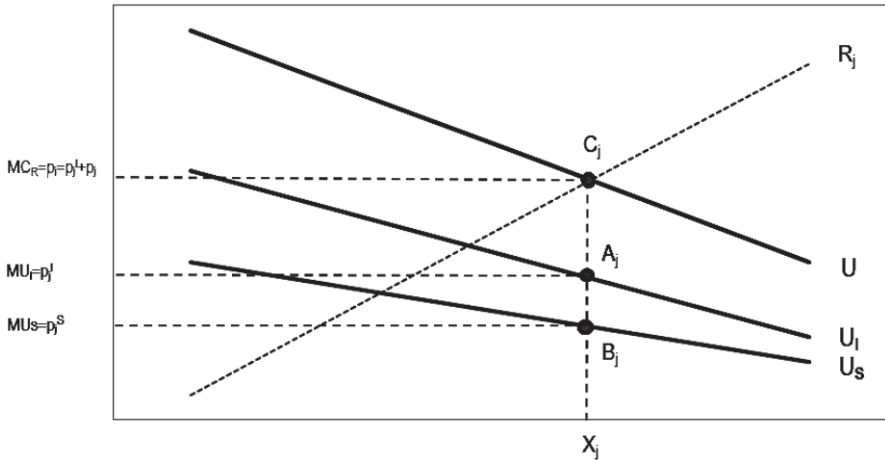

Рис. 3. Равновесие Викселя—Линдаля для опекаемых благ

весных цен и количества: мегаиндивидуум и меритор приобретают ставшее для них общественным благо в одинаковом количестве X_j , но по разным ценам p_j^1 и p_j^s . Лемма инверсии устанавливает связь между появлением нормативного интереса в отношении частного блага и инверсией цен и количества данного блага при определении совокупного спроса, учитывающего как индивидуальные предпочтения, так и общественные предпочтения. Следует подчеркнуть также, что в предложенной модификации модели Викселя—Линдаля цены равновесия имеют разную природу⁴¹. В основе персонифицированной цены мегаиндивидуума (p^1) лежит предельная индивидуальная полезность частного блага X ; цена, оплачиваемая меритором (p^s), также соответствует предельной, но уже социальной полезности общественного блага X и отражает ту часть бюджетных ресурсов меритора, которая расходуется на реализацию социального интереса U_s .

Сформулирую теперь общий вывод, причем также в виде леммы VI. В обобщенной версии равновесия с учетом того, что на рынке одновременно оперируют индивидуальные субъекты с присущими им предпочтениями U^1, U^2, \dots, U^n и действующее от лица общества государство, стремящееся реализовать выявляемые

41. Напомню, что в трактовке самого Линдаля речь идет о совокупности граждан, приобретающих одинаковое количество общественного блага, но по разным ценам. При этом все эти цены, являясь налоговыми взносами индивидуумов, имеют одну и ту же природу.

политической системой общественные предпочтения U_S , равновесие достигается тогда, когда предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезности блага: $MC_R = MU_I + MU_S$.

Иначе говоря, построенная модель демонстрирует последствия *появления* нормативного интереса общества в отношении частного товара или услуги – его превращение в опекаемое благо, и изменение стандартных условий равновесия посредством добавления еще одной составляющей, отражающей расходы государства, направленные на реализацию данного интереса. Собственно это и есть общее описание условий равновесия для любых разновидностей рынков опекаемых благ, которое необходимо учитывать в экономической методологии социального либерализма. Дело в том, что возникновение нормативного интереса социума меняет конфигурацию равновесия – совокупность его участников. Так, появление среди субъектов рынка государства, стремящегося максимизировать функцию социальной полезности, в состав которой входят различные виды опекаемых благ, обуславливает один и тот же тип государственной активности. Речь всегда идет об обмене бюджетных средств на социальную полезность, извлекаемую посредством реализации общественного интереса U_S .

Следует обратить внимание и на выделенный выше термин «появление» применительно к нормативному интересу общества. Этим я хотел подчеркнуть динамический характер данной категории. Действительно, в общем случае надо говорить о процессах возникновения и исчезновения нормативного интереса. Это следует из самой природы рассматриваемого феномена: всегда можно представить такие социально-экономические и политические условия и такие, вызванные этими условиями, ценностные суждения и нормативные установки, когда их достижение потребует наделить социальной полезностью, т. е. способностью удовлетворять соответствующий социальный интерес, любой товар и/или услугу, превращая их в опекаемое благо. Подобная связь указывает на *историчность* и *эволюционный* характер класса опекаемых благ: отказ от прежних целевых установок и появление новых задач приводят к тому, что одни блага утрачивают способность удовлетворять общественные интересы, другие же, наоборот, ее приобретают (Рубинштейн (2008. С. 113–143)).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В заключение еще один комментарий в отношении самой категории «социальный либерализм». Мое желание вернуться к этой теме продиктовано намерением подтвердить свои мировоззренческие позиции: мне одинаково чужды и рыночный фундаментализм, и коммунистическая идеология. Поэтому любые попытки оппонентов увязать одно из ключевых положений разрабатываемой методологии — наличие несводимых потребностей общества как такового — с давно устаревшей «органической концепцией» или «новыми» социалистическими идеями, я рассматриваю как непонимание моих разработок, требующее дополнительных разъяснений.

В этом ряду — сомнения ряда исследователей, указывающих на близость тезиса о существовании интересов общества как целого к недемократическим социально-экономическим системам, к тому, что было в советское время, когда утверждалось, что общественные интересы имеют примат над личными. Некоторые из моих коллег и вовсе опасаются, что предлагаемая «экономическая начинка» социального либерализма может стать удобным идеологическим прикрытием для тех, кто стремится навязать обществу свои представления о благополучии. Такие опасения понятны, особенно с учетом человеконенавистнических режимов Гитлера и Сталина. По-видимому, этим историческим опытом объясняется и столь жесткая индивидуалистическая позиция Хайека, Поппера, Бьюкенена и других выдающихся ученых XX-го столетия.

Отвечая на подобного рода аргументы, считаю важным, во-первых, заявить свою *правоцентристскую* позицию. Без всяких оговорок я отношу себя к категорическим противникам любых версий подчинения индивидуальных интересов общественным потребностям. И в этом смысле я на стороне Хайека, Поппера и Бьюкенена. Однако сам факт признания интереса общества как такового, повторю это еще раз, не означает подчинения ему интересов индивидуумов. Иначе говоря, дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривает их иерархии. И в этом смысле экономическая методология социального либерализма, развивающая либеральную парадигму посредством введения институтов конкуренции за ресурсы между рыночной и политической ветвями формирования общественных интересов, является рыночной конструкцией.

Во-вторых, реально заданная иерархия потребностей в тоталитарных обществах, выраженная в подчинении индивидуальных интересов общественным, требует отказа от комплементарности полезностей и допускает только одну, внерыночную, ветвь формирования этих интересов. Наличие иерархии не оставляет места для несводимости, так как априори постулируется совпадение личных и общественных интересов: «все, что хорошо для общества, хорошо и для индивидуумов». Здесь невольно напрашивается ассоциация с теоремой Эрроу «О невозможности», с ее единственным случаем, когда «невозможное становится возможным», когда предпочтения индивидуумов тождественны предпочтениям диктатора. В тоталитарном обществе все интересы сводимы. Несводимость же существует лишь в демократическом обществе, где интересы индивидуумов различны.

И, наконец, в-третьих, исторический опыт и эволюция либеральной идеологии продемонстрировали, что без учета социальной составляющей всеобщего благосостояния в достаточной степени невозможно обеспечить ни права индивидуумов, ни их свободы. При этом традиционная интерпретация социального компонента исключительно в терминах комбинации индивидуальных предпочтений дала незначительный прирост «объяснительного потенциала», даже в том случае, когда своекорыстие включает в себя и альтруизм, а условие рациональности заменяется ограниченной рациональностью.

Поэтому предложенное в данном докладе приближение теоретической конструкции к реальной практике в результате включения в экономический анализ двух ветвей формирования общественных интересов и учета их конкурентных взаимодействий в рыночном равновесии представляется мне существенным шагом не только в достижении определенной сбалансированности либерального и социального компонентов, но и в развитии общей экономической методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
2. Ансар П. Современная социология // Социологические исследования. 1995. N. 12; 1996. N. 1–2, 7–10; 1997. N. 7.
3. Аузан А.А., Тамбовцев В.И. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. N 5.
4. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М., 2010.
5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994.
6. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: «НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.
7. Болдырев И. Языковые игры и экономическая теория мейнстрима. М., 2008.
8. Будон Р. Теория социальных изменений / Пер. с англ. / Под ред. М. Черныша. М.: Аспект-Пресс, 1999.
9. Бхаскар Р. Общества / Пер. с англ. // Социо-логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991.
10. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурус Альфа, 1997.
11. Вайнтрауб Э.Р. Теория общего равновесия. В кн.: Современная экономическая мысль. Серия «Экономическая мысль Запада» / Под ред. В.С. Афанасьева, Р.М. Энтова. М.: Прогресс, 1981.
12. Васин А.А. Эволюционная теория игр и экономика. Ч. 1. Принципы оптимальности и модели динамики поведения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 3–4.
13. Васин А.А. Эволюционная теория игр и экономика. Ч. 2. Устойчивость равновесий. Особенности эволюции социального поведения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 5.

14. Вебер М. Исследования по методологии наук. М.: ИНИОН, 1980.
15. Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М., 1994.
16. Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма / Пер. с англ. // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4.
17. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. М., 1958 (2009).
18. Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. Ч. I. М., 1994.
19. Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.
20. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПРЕСС, 2000.
21. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008.
22. Гудвин И.Р., Вайскопф Т.Э., Аккерман Ф., Ананьин О.И. Микроэкономика в контексте: Учеб. М.: РГТУ, 2002.
23. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев-Харьков, 1899.
24. Канто-Спербер М. Философия либерального социализма // Неприкосновенный запас. 2004. №6(38).
25. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
26. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / Пер. с нем. М.: Республика, 1998.
27. Крозье М. Современное государство — скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль. 1993. № 2.
28. Кэй Дж. Карта — не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. №5.
29. Лаффон Ж.-Ж. Стимулы и политэкономия / Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
30. Ледьярд Дж. Несостоятельность (провалы) рынка. В кн.: Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ. / Науч. ред. чл.-корр. РАН В.С. Автономов. М.: ИНФРА-М, 2004.
31. Либман А.М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития. М., 2007.
32. Либман А.М. Политико-экономические исследования и современная экономическая теория. М., 2008.

33. *Майерсон Р.* Равновесие по Нэшу и история экономической науки // Вопросы экономики. 2010. №6.
34. *Милль Дж.* О свободе (1859) / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11, 12.
35. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
36. *Нэши Дж.* Бескоалиционные игры / Матричные игры. М., 1961.
37. Перспективы либерализма и поиск корней // Неприкосновенный запас. 2004. №6(38).
38. *Платон.* Государство / Платон. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3(1). М., 1971.
39. *Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа. М., 2010.
40. *Поппер К.* Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы: Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
41. *Ролз Д.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
42. *Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса / А.Я. Рубинштейн. СПб.: Алетейя, 2008.
43. *Рубинштейн А.Я.* К теории рынков опекаемых благ. Статья 1. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. 2009а. N1.
44. *Рубинштейн А.Я.* К теории рынков опекаемых благ. Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // Общественные науки и современность. 2009б. N2.
45. *Рубинштейн А.Я.* Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010.
46. *Рубинштейн А.Я.* Опекаемые блага: институциональные трансформации // Вопросы экономики. 2011. №3.
47. *Самуэльсон П.* Чистая теория общественных расходов / Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / Пер. с англ. под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Экономическая школа, 2004.
48. *Сен А.* Об этике и экономике. М.: Наука, 1996.
49. *Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.

50. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике / Пер. с фр. М.: Прогресс, 2000.
51. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 2009 (переиздание 1933 г.).
52. *Тамбовцев В.А.* Перспективы экономического империализма // *Общественные науки и современность.* 2008. №5.
53. *Тамбовцев В.* Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход // *Вопросы экономики.* №11. 2010.
54. *Тейлор Ч.* Неразложимо социальные блага // *Неприкосновенный запас.* 2001. №4 (18).
55. *Фелдман А.М.* Экономическая теория благосостояния. В кн.: *Экономическая теория* / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ. / Науч. ред. чл.-корр. РАН В.С. Автономов. М.: ИНФРА-М, 2004.
56. *Харсаньи Дж.* Ценностные суждения // *Экономическая теория.* М.: ИНФРА-М, 2004.
57. *Хиллман А.А.* Государство и экономическая политика: возможности и ограничения управления: Учеб. пособие / Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
58. *Хиршман А.О.* Интересы // *Экономическая теория* / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004.
59. *Ходжсон Дж.* Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // *Вопросы экономики.* 2008. №8.
60. *Шаститко А.Е.* Теоретические вопросы неинституционализма // *Ведение в институциональный анализ.* М., 1996.
61. *Эрроу К.Дж.* Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор: Нобелевская лекция. 12 дек. 1972 г. // *Политикам об экономике: лекции нобелевских лауреатов по экономике: Современная экономика и право.* М., 2005.
62. *Agassi J.* Methodological Individualism // *The British Journal of Sociology.* 1960. Vol. 11. No. 3.
63. *Agassi J.* Methodological Individualism // *Modes of Individualism and Collectivism* / Ed. by J. O'Neill. L., 1973.
64. *Aoki M.* *Toward a comparative institutional analysis.* Cambridge, MA, 2001.
65. *Archer M.S.* *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach.* Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

66. Arrow K. Social Choice and Individual Values. Chicago: Univ. of Chicago, 1951.
67. Arrow K., Debreu G. Existence of and Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. 1954. Vol. XXII.
68. Bergson A. A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // *Quarterly Journal of Economics*. 1938, February.
69. Bhaskar R. The possibility of naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences. 2nd ed. Brighton: Harvester, 1989.
70. Black M. Margins of Precision. Essays in Logic and Language. Ithaca: Cornell University Press, 1970.
71. Bortis H. Institutions, Behaviour and Economic Theory – A Contribution to Classical-Keynesian Political Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
72. Bortis H. From neo-liberal Capitalism to Social Liberalism on the basis of Classical-Keynesian Political Economy. Université de Fribourg / Switzerland, 2009.
73. Boudon R. La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique. Paris: Hachette, 1979.
74. Boudon R. Individualisme ou holisme: un debat metodologique fondamental. In: H. Mendras, M. Verret Les Champs de la sociologie franc aise. Paris: Armand Colin, 1988.
75. Cournot A. Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses. Paris, 1938.
76. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
77. Giddens A. Sociology. Cambridge: Polity Press, 2001.
78. Grinberg R., Rubinstein A. Economic Sociodynamics. Berlin, New York: Springer, 2005 (reprinted 2010).
79. Harsanyi J. Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons of Utility // *Journal of Political Economy*. 1955. Vol. 63. No 4.
80. Hervés-Beloso C., Moreno-García E. Walrasian analysis via two-player games // *Games and Economic Behavior*. 2009a. Vol. 65. Issue 1.
81. Hervés-Beloso C., Moreno-García E. Large economies and two-player games // *Journal of Mathematical Economics*. 2009b. Vol. 45. Issue 9–10.

82. *Kincaid H.* Methodological Individualism/Atomism // The Handbook of Economic Methodology. UK, London: Edwar Elgar Publishing Limited, 1998.
83. *Krimerman L.* (ed.). The Nature and Scope of Social Science. A Critical Anthology. New York: Appleton-Cetrury-Crofts, 1969.
84. Le socialisme libéral. Une anthologie: Europe-Etats-Unis. Monique Canto-Sperber avec Nadia Urbinati (dir.). Paris: Éditions Esprit, 2003.
85. *Lindahl E.* Positive Losung, Die Gerechtigkeit der Besteuerung: Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie (Just taxation – a positive solution), 1919. In: R.S. Musgrave and A.T. Peacock (eds.). Classics in the Theory of Public Finance, London, 1958, 4-th Impression 1967.
86. *Margolis H.* Selfishness, Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice. Chicago and London, 1982.
87. *Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 2. Aufl., Wien-Leipzig, 1923.
88. *Mill J.S.* A System of Logic. 8th ed. London, 1872 / Система логики силлогистической и интуитивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М., 1914.
89. *Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. N.Y.: London: McGraw-Hill, 1959.
90. *Musgrave R.A.* Provision for Social Goods. In: J. Margolis, H. Guitton (eds.). Public Economics. London-Besingstoke: MacMillan, 1969.
91. *Nash J.* Equilibrium points in n-person games. Proceedings of NAS, 1950.
92. *Nash J.* Non-Cooperative Games // Annals of Mathematics. 1951. Vol. 4. No. 2.
93. *Olson M.* Toward a More Theory of Governmental Structure // American Economic Review, Papers and Proceedings, May, 1986. Vol. 76. No. 2.
94. *O'Neil J.* (ed.). Modes of Individualism and Collectivism. London, 1973.
95. *Persson T., Tabellini G.* The Economic Effects of Constitutions. Cambridge: MIT Press, 2005.
96. *Posnett J.* Trends in the Income of Charities, 1980 to 1985. In: J. McQuillan (ed.). Charity Trends 1986/87. Tonbridge, Chanties Aid Foundation, 1987.

97. *Rose-Ackermann S.* Altruism, Nonprofits, and Economic Theory // Journal of Economic Literature. 1996. Vol. 34. No. 2.
98. *Salamon L., Hems L., Chinnock K.* The Nonprofit Sector: For What and for Whom? Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, No 37. Baltimore, The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2000.
99. *Samuelson P.A.* The pure theory of public expenditure // Review of Economics and Statistics. 1954. Vol. 36. No. 4.
100. *Samuelson P.A.* The Way an Economist. In: P.A. Samuelson, ed. International Economic Relations: Proceedings of the Third Congress of the International Economic Associations. London: MacMillan, 1969.
101. *Samuelson P.* Reaffirming the Existence of «Reasonable» Bergson-Samuelson Social Welfare Functions. // Economics. 1978. No. 173.
102. *Schaffle A.E.F.* Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. 3. Aufl. Bd. 1. Tübingen, 1873.
103. *Schmidt K.* Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern. // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. 108. Jahrgang 1988 Heft 3.
104. *Sen A.* Development as Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1999.
105. *Stigler G.* The Theory of Economic Regulation // Bell Journal of Economics. 1971. Vol. 2(1).
106. *Taylor Ch.* Cross-Purposes: The Liberal-Communitarian Debate // Liberalism and Moral Life / Ed.: N. Rosenblum Cambridge: Harvard University Press, 1989.
107. *Touraine A.* Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui. Paris, 2005.
108. *Wicksell K.* Finanztheoretische Untersuchungen. Jena, 1896, впервые опубликовано в английском переводе в хрестоматии Р. Масгрейва и А. Пикокка (A New Principle of Just Taxation / Classics in the Theory of Public Finance, ed. R.A. Musgrave and A.T. Peacock. London: MacMillan, 1958).

**АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ
РУБИНШТЕЙН**

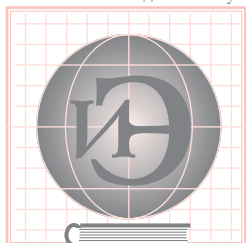
Александр Яковлевич Рубинштейн (1947 г.р.) – выпускник Мехмата МГУ по специальности «математика» (1971), кандидат экономических наук (1976), доктор философских наук (1992), профессор (1994), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2007).

Первый заместитель директора ИЭ РАН, руководитель научного направления «Теоретическая экономика», заведующий Кафедрой экономики искусства Школы-студии при МХТ им. А.П. Чехова, профессор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор Панъевропейской высшей школы (Братислава), главный редактор Журнала Новой экономической ассоциации, член редколлегии журнала «Вопросы экономики».

Награжден Орденом почета (2003), золотой медалью им. Н.Д. Кондратьева «За работы в области экономической теории» (2007), лауреат Европейской премии «За вклад в экономическую науку» (Брюссель, 2008), премии Венского Института высших исследований «За теоретические исследования в области экономической политики» (2011).

Автор более 250 научных работ по проблемам экономической теории, экономики социального сектора, теоретической и прикладной экономики культуры, экономики и социологии искусства, в том числе более двадцати книг, учебников и учебных пособий, ряд которых переведен на иностранные языки и издан в Англии, Германии, Голландии и США.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

А.Я. Рубинштейн

Введение в новую методологию экономического анализа

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Ерзнкян М.Д.*

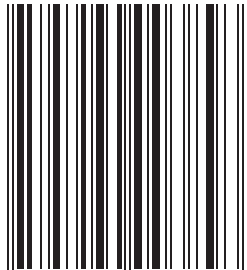
Компьютерная верстка – *Гришина М.Ф.*

Подписано в печать 17.08.2012 г.

Заказ № 51. Тираж 300. Объем 2,9 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0389-3

9 785994 003893